

Вовлеченность мужчин в беременность партнерши: феномен, проявления, барьеры

О. Ю. Одинцова¹, Т. Л. Крюкова²

¹ Ярославский государственный медицинский университет
150000, Россия, г. Ярославль, Революционная ул., д. 5

² Костромской государственный университет
156005, Россия, г. Кострома, ул. Дзержинская, д. 17

Сведения об авторах:

Оксана Юрьевна Одинцова

e-mail: odintcova@ysmu.ru

SPIN-код: 1757-8524

ORCID: 0000-0002-8513-9305

Татьяна Леонидовна Крюкова

e-mail: tat.krukova44@gmail.com

SPIN-код: 7663-5489

Scopus Author ID: 8357310800

Researcher ID: A-9884-2016

ORCID: 0000-0003-0825-3232

Финансирование: исследование поддержано Министерством высшего образования и науки FZEW-2020-0005.

© Авторы (2022).

Опубликовано Российским

государственным

педагогическим

университетом им. А. И. Герцена.

Аннотация. Вовлеченность в беременность женщины со стороны мужчины является очевидным трендом современного родительства, трактуемого в научном дискурсе как «новое» отцовство. В данной статье рассматриваются причины вовлеченности, обусловленные рядом факторов. Наиболее значимыми среди них представляются следующие социокультурные основания: а) смещение акцента с роли мужчины-«кормильца» на «воспитателя» (или «товарища по играм»), дополняющего материнские практики вследствие ценности бикарьерного уклада семьи; б) позиция «отложенного родительства», позволяющего регулировать численность и время появления детей; в) повышение количества отцов, предпочитающих декретное времяпровождение и замещающих мать в физическом уходе за ребенком («*stay-at-home-dads*»: SAHD). Помимо этого, перинатальная вовлеченность мужчин зависит от наличия установки на интенсивное (включенное) материнство у женщины (внутрисемейный фактор). Вовлеченность мужчины в беременность партнерши проходит определенные стадии от фазы объявления (до 4 месяца гестации женщины), моратория (с 4 по 6-7 месяц) до фокусировки (с 7 по 9 месяц). Отдельно рассматривается этап подготовки партнеров к родам. Идентификация вовлеченного в беременность мужчины отражает элементы отцовской вовлеченности в детство, описанные американским исследователем

М. Лэмбом и соответствует следующим критериям: доступность (физическое присутствие партнера во время беременности и осуществление контроля и поддержки с его стороны за протеканием беременности), соучастие (сопричастность мужчины к вопросам протекания беременности и родов), ответственность (реализация психологической и финансовой защиты партнерши в течение беременности с целью обеспечения безопасности будущей матери и ребенка). Барьеры в реализации вовлеченности также являются довольно многочисленными. На индивидуально-личностном уровне они представлены: возрастом отца; индивидуальной социальной беспомощностью; выраженными тревожно-фоническими переживаниями субъекта; отсутствием культуры репродуктивного поведения и желания иметь ребенка. На внутрисемейном микроуровне: дисфункциональностью и деструктивным характером близких отношений с беременной женщиной; ролевой несостоятельностью; усвоением неадекватных паттернов поведения и моделей отношения к ребенку в родительской семье (унаследованной моделью отцовства). На социальном уровне: отсутствием адаптированных пренатальных программ для мужчин; отсутствием в отдельных регионах страны возможности совместных (партнерских) родов в условиях обязательного медицинского страхования. Макроуровневые барьеры вовлеченности отличаются: непопулярностью среди мужского населения с низким уровнем дохода идей вовлеченного родительства; экономической незащищенностью мужчин при оформлении декретного отпуска.

Ключевые слова: вовлеченность в беременность, мужчина, отец, отцовство, родительство, будущий ребенок, плод

Male partner involvement during pregnancy: Phenomenon, manifestations, barriers

O. Yu. Odintsova¹, T. L. Kryukova²

¹ Yaroslavl State Medical University
5 Revolyutsionnaya Str., Yaroslavl 150000, Russia

² Kostroma State University
17 Dzerzhinskogo Str., Kostroma 156005, Russia

Authors:

Oksana Yu. Odintsova

e-mail: odintcova@ysmu.ru

SPIN: 1757-8524

ORCID: 0000-0002-8513-9305

Tatiana L. Kryukova

e-mail: tat.kryukova44@gmail.com

SPIN: 7663-5489

Scopus Author ID: 8357310800

Researcher ID: A-9884-2016

ORCID: 0000-0003-0825-3232

Funding: This study was supported by the Ministry of Higher Education and Science of Russia, FZEW-2020-0005.

Copyright:

© The Authors (2022).

Published by Herzen State

Pedagogical University of Russia.

Abstract. Modern parenthood is marked by male partner involvement in pregnancy. In scientific discourse this trend is interpreted as the “new” fatherhood. The article discusses the reasons for male partner involvement and the related factors. High among them are the following sociocultural grounds: a) a shift from the role of a male “breadwinner” to a “caregiver” (or “playmate”), supplementing maternal practices due to the value placed on the dual-career approach to life; b) “delayed parenthood” that allows one to make choices about how many children to have, and when; c) an increase in the number of fathers who take a maternity leave (stay-at-home-dads). In addition, the perinatal involvement of men depends on whether the woman opts for intensive mothering (an intra-family factor).

Male partner involvement during pregnancy goes through certain stages: announcement (up to 4 months of pregnancy), moratorium (from 4 to 6-7 months) and focus (from 7 to 9 months). The stage of preparing partners for childbirth is considered separately. The identification of a man involved in pregnancy reflects the elements of paternal involvement in childhood described by the American researcher M. Lamb. It meets the following criteria: accessibility (physical presence of a partner during pregnancy, his control and support

during pregnancy), engagement (man's involvement in issues related to pregnancy and childbirth), responsibility (psychological and financial protection of woman during pregnancy to ensure safety of the future mother and child).

The barriers to male involvement during pregnancy are also quite numerous. At the individual/personal level, they are represented by the age of the father; social helplessness; expressed anxiety/phobic experiences; the lack of a culture of reproductive behavior or the desire to have a child. At the intra-family micro level, the barriers include dysfunctional and destructive nature of close relationships with a pregnant woman; role failure; and the assimilation of inadequate patterns of behavior and models of attitude towards the child in the parental family (inherited model of paternity). At the social level they are represented by a lack of adapted prenatal programmes for men; and no programmes of childbirth with a partner as part of compulsory medical insurance in certain regions of Russia. Macro-level barriers to involvement are distinguished by the unpopularity of engaged parenting among low-income male population and economic insecurity of men when applying for maternity leave.

Keywords: involvement in pregnancy, man, father, paternity, parenthood, unborn child, fetus

Мета-анализ конструкта «вовлеченный в беременность (партнерши) мужчина»: определение и специфика проявления

Последнее десятилетие знаменуется все более широким обсуждением феномена «нового отцовства». Данный термин тождественен понятию «ответственное отцовство» в зарубежных публикациях и характеризует не столько практики взаимодействия отца и ребенка, сколько намечающуюся в науке тенденцию подчеркивания важности отцовства как для мужчины, так и для ребенка (Борисенко 2018). Данный интерес обусловлен текущей социокультурной ситуацией: О. Г. Калина отмечает, что во всех обществах, анализируемых ею (первобытном, западном, восточном, латинском, американском, российском), изменение ценностных ориентаций в окружающей среде способствует трансформации позиции отца в обществе (Калина 2019). К этим изменениям относятся ряд явлений социальной действительности. Во-первых, выраженное смещение акцента с роли мужчины-«кормильца» на «воспитателя» / «товарища по играм», дополняющего материнскую практику. Зачастую подобные идеи разделяют представители «среднего класса», демонстрирующие ценности бикарьерного уклада семьи. К слову, они отражают модель современного родительства (в противовес традиционной), которое ориентировано на равную сферу обязанностей обоих партнеров в области материнства / отцовства, достижение баланса в семье, карьере и самореализации (Клецина, Иоффе 2019). Во-вторых, позиция «отложенного родительства» позволяет регулировать численность и время появления детей. Возраст впервые ставших отцами мужчин за последние десятилетия сдвинулся в более старшую возрастную группу (30–40 лет). Следовательно, можно допустить увеличение ответственности и осознанности в вопросах родительства. В-третьих, повышается количество мужчин, предпочитающих де-

кретное времяпровождение и замещающих мать в физическом уходе за ребенком («stay-at-home-dads», SAHD). Отцы-домоседы, как правило, разделяют взгляды на родительство как равенство гендерных ролей. Нередко партнерши иницируют и активно поддерживают подобные установки, то есть супруги разделяют их совместно (Drake 2016).

Однако если феномен «вовлеченного отцовства» активно осмысливается, то статьи, посвященные анализу пренатальной включенности мужчин, достаточно редки не только в российском научном поле, но и зарубежном. Тем не менее с каждым годом фиксируется все большее количество пар, для которых осознанная подготовка к родительству (в том числе с помощью «папа-школ», самообразования), а также совместные/партнерские роды – не экзотический опыт, а необходимая экзистенциальная потребность.

По аналогии с понятием интенсивного родительства охарактеризуем *пренатальную включенность мужчины* (вовлеченность в беременность) как инвестирование ресурсов (физических, психологических, временных, материальных и др.) в беременность женщины-партнерши, при этом будущий ребенок воспринимается как значимый жизненный проект (Neys 1998; Савенышева 2017; Мисюк 2022).

Исследования пренатальной привязанности описывают трехкомпонентную структуру, включающую когнитивную, эмоциональную и поведенческую составляющие. Когнитивный компонент содержит когнитивные репрезентации плода; эмоциональный компонент проявляется в позитивных чувствах по отношению к будущему ребёнку; поведенческий компонент включает желание взаимодействия, контакта с плодом, реализуемое через беременную женщину (Савёнышева 2017).

Соответственно, один из возможных вариантов обсуждения феномена пренатальной вовлеченности связан со струк-

турой пренатальной привязанности, а именно – реализацией её поведенческого компонента. Другой вариант – самостоятельность явления вовлеченности в структуре родительских установок. Несмотря на различные подходы к изучаемой категории, вовлеченность в беременность обсуждается как динамичное, пролонгированное явление, в котором можно выделить наличие «пиков» и «спадов».

Фазы (стадии) вовлеченности имеют следующую динамику:

- «Фаза объявления» (до 4 месяца) – возникает с момента оповещения мужчины о предстоящем отцовстве. «Фаза объявления» запускает активное формирование новообразований будущего отца, определяемых в отечественной науке весьма разнообразно – «матрица отцовства», «родительство отца», «интегральная индивидуальность отцовства» и т. д., и отражает осознание реальности перспектив отцовства в обозримом будущем. Субъективные переживания на этой стадии зависят от многих факторов и весьма разнообразны, а подчас и противоречивы – от радости, воодушевления, восторга до беспокойства, уныния, удрученности. К слову, до 60% испытуемых, опрошенных в период беременности супруги, ответили, что испытали радость во время новости о беременности партнерши, 40% – тревогу, при этом ребенок был желанным во всех случаях (Борисенко 2018).
- «Фаза моратория» (с 4 по 6-7 месяц) – формируется с этапа «материализации» положения женщины, когда беременность становится очевидна. Мужчина осознает потерю внимания к себе со стороны партнерши, сталкивается с ограничением своих потребностей и желаний, перестройкой планов, погружается в бытовые хлопоты, связанные с будущим ребенком. Отцовство осознается не только как радость, но и бремя, сопряженное с возможными проблемами и трудностями. На этой стадии участие мужчины в бе-

ременности партнерши ослабевает, а его эмоциональный фон неустойчив (Там же).

- «Фаза фокусировки» (с 7 по 9 месяц) определяется с момента восприятия отцовства как неминуемой и безвозвратной перспективы. Степень вовлеченности возрастает, мужчина активизируется в оказании многосторонней помощи женщине. Предстоящие роды содействуют поведению, направленному на поиск информации об уходе и развитии ребенка в школах для родителей, интернете, книгах. Одновременно отмечается возрастание тревожно-фобических настроений. Отдельной представляется «фаза подготовки к родам», в случае если супруги готовятся к совместным/партнерским родам. После рождения ребенка формируется постнатальная вовлеченность в родительство, зачастую зеркально отражающий пренатальную (Altenburger, Schoppe-Sullivan, Lang et al. 2014).

Итак, обсуждение этапов перинатальной включенности мужчин предлагает картину динамики, но не описывает конкретные маркеры вовлеченности, ее характерные черты. Эта проблема решается обсуждением вопроса идентификации отцовского участия в беременности.

Поведенческие критерии вовлеченности в беременность (партнерши) мужчины

Идентификация вовлеченного в беременность мужчины отражает элементы отцовской вовлеченности в детство, описанные американским исследователем Майком Лэмбом, и соответствует следующим критериям (Lamb 2010):

1. *Доступность* – определяется как физическое присутствие партнера во время беременности и осуществление контроля и поддержки с его стороны за протеканием беременности. «Доступность» интерпретируется как единение, общность, сплоченность супругов в ходе беременности. В работе А. Р. Алио на конкретных

примерах описывает поведенческий репертуар «доступного» во время беременности (женщины) мужчины: он поддерживает партнершу, знает об изменениях ее тела в связи со сроком беременности, понимает влияние гормонов на организм женщины, сочувствует и терпелив с ней, когда ее эмоции неустойчивы, оставаясь при этом спокойным, убеждает женщину в способности стать хорошей матерью. «Доступный мужчина» также заботится о физическом комфорте беременной (например, оберегает ее сон или делает массаж), он разделяет с женщиной бытовые хлопоты (Alio, Lewis, Scarborough et al., 2013).

2. *Соучастие* (в дословном варианте – «взаимодействие») – отождествляется с активной сопричастностью мужчины в вопросах протекания беременности и родов. Будущий отец совместно с женщиной посещает консультации врача, присутствует на дородовых скринингах, УЗИ, родительских курсах, планирует участие в родах. Кроме того, мужчина интересуется литературой, посвященной вопросам беременности и родов, развитию и воспитанию детей. Иными словами, перечень сопричастного поведения мужчины отражает идею, что мужчина и женщина совместно заинтересованы в появлении ребенка, их «инвестиции» на пути к этой цели равны, ответственность за ход беременности и родов разделяют оба партнера.

3. *Ответственность* – этот критерий воплощает в себе многогранную гендерную роль, которую мужчина воспроизводит в семье. Относительно беременности она заключается в роли «кормильца», «добытчика» (связана с финансовой поддержкой партнерши) и «защитника», который делает все необходимое для обеспечения безопасности матери и ребенка (Alio, Lewis, Scarborough et al. 2013; Lamb 2010).

Таким образом, нетрудно заметить, что взгляды М. Лэмба относительно вовлеченности мужчин в родительство детерминированы двумя основными перемен-

ными: характером близких отношений с партнершей и степенью желанности будущего ребенка.

Барьеры в реализации вовлеченности в беременность (партнерши)

Основываясь на работах Ю. В. Борисенко, Е. И. Захаровой, О. А. Карабановой, О. Г. Калины, И. С. Кона, Р. В. Манерова, Р. В. Овчаровой и др., укажем следующие сдерживающие факторы мужской вовлеченности в беременность (партнерши) на *индивидуально-личностном* уровне:

— возраст отца – зачастую речь идет о юности мужчины, ассоциируемой с отсутствием психологической готовности к отцовству;

— индивидуальная социальная беспомощность: незаконченность образования, финансовая несостоятельность, профессиональная нереализованность, безответственность, неспособность самостоятельно организовывать свою жизнь и пр.;

— выраженные тревожно-фобические переживания субъекта, закрепляющие установки на несостоятельность и неуспешность в роли;

— отсутствие культуры репродуктивного поведения и желания иметь ребенка (несвоевременная или нежеланная беременность партнерши).

На уровне собственной *семьи* мужчины обсуждаются вопросы, касающиеся особенностей близких отношений партнеров:

— Дисфункциональность семьи и деструктивный характер близких отношений с беременной женщиной. Качество любовных отношений в паре кажется ключевым с точки зрения участия мужчин в беременности. Поскольку вовлеченность в беременность осуществляется через мать, носящую ребенка, романтическая связь с женщиной (или ее отсутствие) обуславливает поведение мужчины, направленное на ребенка, степень и уровень его включенности.

— Ролевая несостоятельность – неспособность реализовать гендерную роль в семейных отношениях;

— Интериоризация неадекватных паттернов поведения и моделей отношения к ребенку в родительской семье (унаследованная модель отцовства).

Уровень *социальных* механизмов, влияющих на вовлеченность, отражает частичное игнорированием мужчин в медицинских учреждениях, а именно:

— отсутствие адаптированных пренатальных программ для мужчин. Школы родительства при поликлиниках фокусируются на женщинах, а обсуждаемые там вопросы рассматриваются с позиции будущей роженицы. Совместная родительская школа чаще всего является платной услугой и доступна не каждой семье;

— отсутствие в отдельных регионах страны возможности совместных (партнерских) родов в условиях обязательного медицинского страхования.

На *государственно-правовом* уровне регулирования вопросов семьи, определяющих вектор ее основных тенденций, выделим:

— Непопулярность среди мужского населения с низким уровнем дохода идей вовлеченного родительства. Отметим, что взаимосвязь между социально-экономическим статусом и степенью поддержки партнёров, была описана еще в 90-х гг., однако в полной мере отражает современную ситуацию в стране.

— Экономическая незащищенность мужчин при оформлении декретного отпуска. Несмотря на соответствующую законодательную возможность, в России отпуск по уходу за ребёнком для мужчин является редкостью. Отчасти это обусловлено тем, что для него необходимы финансовые резервы, следовательно, семьи с низким материальным достатком не могут себе позволить «роскошь» мужской вовлеченности.

Выводы

1. Феномен вовлеченности мужчины в беременность (партнерши) обусловлен социокультурным контекстом, в котором роль отца с «кормильца»

трансформируется на «воспитателя» / «товарища по играм»; актуализирована позиция «отложенного родительства»; мужчина может позволить себе декретное времяпровождение, замещая мать в физическом уходе за ребенком; оба партнера разделяют идеи гендерного равенства и вовлеченного родительства.

2. Термин «вовлеченный в беременность (партнерши) мужчина» предполагает наличие у субъекта определенных когнитивных установок – ценности супружеских отношений, партнёра, будущего ребенка; поведенческих установок – инициации физической, материально-бытовой помощи; и эмоциональных – соучастие, сочувствие, понимание, отклик. Включенность в ожидание ребенка социально выражается в равном с женщиной «вкладе» в беременность – разделении ответственности за состояние плода и течение беременности, равнозначной подготовке к родам и предстоящему родительству, а постнатально – равномерном распределении обязанностей по уходу за ребенком, его развитию и воспитанию.

3. Формирование позиции вовлеченности пролонгировано во времени и проходит определенные фазы становления – фазы объявления (до 4 месяца гестации женщины), моратория (с 4 по 6-7 месяц), фокусировки (с 7 по 9 месяц). Отдельно выделяется фаза подготовки к родам. Вовлеченность мужчины в беременность (женщины) трансформируется в постнатальную, в связи с чем данная тематика представляется остро актуальной. Степень вовлеченности зависит от множества факторов – индивидуальных, семейных, социально-политических, культурных. Однако определяющее значение имеют особенности взаимоотношений между романтическими партнерами и степень желанности ребенка.

Литература

- Борисенко, Ю. В. (2018) *Становление психологической готовности к отцовству: психолого-педагогический контекст и технологии сопровождения*. Диссертация ... доктора психологических наук. Кемерово, Кемеровский государственный университет, 538 с.
- Калина, И. А. (2019) Отцовство как психологический феномен. Обзор современной зарубежной литературы. *Современная зарубежная психология*, том 8, № 4, с. 49–56. DOI: 10.17759/jmfp.2019080405
- Клецина И. С., Иоффе Е. В. (2019). Нормы женского поведения: традиционная и современная модели. *Женщина в российском обществе*, т. 3, с. 72–90. DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.6 (дата обращения 07.05. 2022).
- Мисиюк, Ю. В. (2022) *Интенсивное материнство и его психологическое последствие для женщины*. Диссертация ... кандидата психологических наук. Кострома, Костромской государственный университет, 236 с.
- Савёнышева, С. С. (2017) Пренатальная привязанность: понятие, структуры, детерминанты. *Мир науки, культуры, образования*, № 1 (62), с. 243–248.
- Alio, A. P., Lewis, C. A., Scarborough, K. et al. (2013) A community perspective on the role of fathers during pregnancy: a qualitative study. *BMC pregnancy and childbirth*, vol. 13, no. 1, pp. 1–11.
- Altenburger, L. E., Schoppe-Sullivan, S. J., Lang, S. N. et al. (2014) Associations between prenatal coparenting behavior and observed coparenting behavior at 9-months postpartum. *Journal of Family Psychology*, vol. 28, no. 4, pp. 495–504. DOI: 10.1037/fam0000012
- Condon, J. T. (1993) The assessment of antenatal emotional attachment: Development of a questionnaire instrument. *British Journal of Medical Psychology*, vol. 66. pp. 167–183. DOI: 10.1111/j.2044-8341.1993.tb01739.x
- Drake, M. B. (2016) *Lived experience of stay-at-home dads: a narrative inquiry*. Doctoral dissertation, Colorado State University. [Online]. Available at: <http://hdl.handle.net/10217/170346> (accessed 09.12. 2021).
- Heys, S. (1998) *The cultural contradictions of motherhood*. London: New Haven, Yale University Press, 276 p.
- Lamb, M. E. (2010) *The Role of the Father in Child Development*. NJ: John Wiley & Sons, 672 p.
- Redshaw, M., Henderson, J. (2013) Fathers' engagement in pregnancy and childbirth: evidence from a national survey. *BMC pregnancy and childbirth*, vol. 13, no. 1, pp. 1–15. DOI: 10.1186/1471-2393-13-70

References

- Alio, A. P., Lewis, C. A., Scarborough, K. et al. (2013) A community perspective on the role of fathers during pregnancy: a qualitative study. *BMC pregnancy and childbirth*, vol. 13, no. 1, pp. 1–11. (In English)
- Altenburger, L. E., Schoppe-Sullivan, S. J., Lang, S. N. et al. (2014) Associations between prenatal coparenting behavior and observed coparenting behavior at 9-months postpartum. *Journal of Family Psychology*, vol. 28, no. 4, pp. 495–504. DOI: 10.1037/fam0000012 (In English)
- Borisenko, Yu.V. (2018) *Stanovleniye psikhologicheskoy gotovnosti k ottsovstvu: psikhologo-pedagogicheskiy kontekst i tekhnologii soprovozhdeniya [Formation of psychological readiness for fatherhood: psychological and pedagogical context and support technologies]*. Doctoral dissertation (Psychology). Kemerovo, Kemerovo State University, 538 p. (In Russian)
- Condon, J. T. (1993) The assessment of antenatal emotional attachment: Development of a questionnaire instrument. *British Journal of Medical Psychology*, vol. 66. pp. 167–183. DOI: 10.1111/j.2044-8341.1993.tb01739.x (In English)
- Drake, M. B. (2016) *Lived experience of stay-at-home dads: a narrative inquiry*. Doctoral dissertation, Colorado State University. [Online]. Available at: <http://hdl.handle.net/10217/170346> (accessed 09.12. 2021). (In English)
- Heys, S. (1998) *The cultural contradictions of motherhood*. London: New Haven, Yale University Pres, 276 p. (In English)

- Kalina, I. A. (2019) *Ottsovstvo kak psikhologicheskiy fenomen. Obzor sovremennoy zarubezhnoy literatury* [Fatherhood as a psychological phenomenon. Review of modern foreign literature]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya — Modern Foreign Psychology*, vol. 8, no. 4, pp. 49–56. DOI: 10.17759/jmfp.2019080405 (In Russian)
- Kletsina, I. S., Ioffe E. V. (2019). Normy zhenskogo povedeniya: traditsionnaya i sovremennaya modeli [Norms of female behavior: traditional and modern models]. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve — Woman in Russian society*, vol. 3, pp. 72–90. DOI: 10.21064/WinRS.2019.3.6 (In Russian)
- Lamb, M. E. (2010) *The Role of the Father in Child Development*. NJ: John Wiley & Sons, 762 p. (In English)
- Misiyuk, Yu. V. (2022) *Intensivnoye materinstvo i yego psikhologicheskoye posledstviye posledstviya dlya zhenshchiny* [Intensive motherhood and its psychological implications for women]. PhD dissertation (Psychology). Kostroma, Kostroma State University, 236 p. (In Russian)
- Redshaw, M., Henderson, J. (2013) Fathers' engagement in pregnancy and childbirth: evidence from a national survey. *BMC pregnancy and childbirth*, vol. 13, no. 1, pp. 1–15. DOI: 10.1186/1471-2393-13-70 (In English)
- Savonysheva, S. S. (2017) Prenatal'naya privyazannost': ponyatiye, struktury, determinanty. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya — World of Science, Culture, Education*, no. 1 (62), pp. 243–248. (In Russian)